

Думая о всяких пустяках, Линь Юнь машинально зажгла масляную лампу. Когда тусклый свет озарил комнату, человек, стоявший за дверью, наконец успокоился и ушёл.

На теле Линь Юнь было немало ран. Её собственное телосложение только усугубляло ситуацию. Оказавшись в окружении, она полагалась на свои навыки, чтобы одержать победу, но иногда ей приходилось жертвовать собой, чтобы нанести урон противнику. Семь или восемь бандитов, каждый из которых получил хотя бы одно-два ранения, были повержены. Сама же Линь Юнь добавила к своему телу четыре или пять новых ран. Однако в отличие от тех грубых разбойников, не знавших боевых искусств, её раны были рассчитаны — ни одно из них не задело жизненно важных органов, хотя крови она потеряла немало.

Зажгла лампу и выбрав место, где её тень не падала на окно, Линь Юнь медленно сняла с себя одежду.

Тело Линь Юнь было совсем иным, чем её прежде. Старшая дочь семьи Линь с детства занималась боевыми искусствами, её фигура была стройной, но мускулы обладали силой, каждый сантиметр тела был наполнен мощью. Линь Юнь же, хотя и была высокой, была слишком худой и слабой, без лишнего жира, а её грудь была куда меньше, чем раньше. Линь Юнь это раздражало, но, вспомнив о своём нынешнем положении, она сдержала недовольство.

Мокрая одежда была снята слой за слоем, обнажая бледную кожу. Раны, промытые дождём, побелели, но кровь всё ещё сочилась, очевидно, что кровотечение не остановилось.

Линь Юнь скривила губы, сдерживая боль. Не имея возможности получить помощь и не имея возможности тщательно обработать раны, она вынуждена была снять нижнюю одежду и кое-как протереть раны. Когда кровь была удалена, она просто взяла лекарство от ран, данное Ся Хань, и высыпала его на раны, планируя после остановки кровотечения перевязать их бинтами.

Лекарство, используемое охраной семьи Ся, было неплохим, но явно не лучшим. Порошок, попавший на раны, остановил кровь, но боль заставила Линь Юнь покрыться холодным потом. Она стиснула зубы, чтобы не закричать от боли.

Процесс обработки ран был далёк от приятного, и после всех мучений Линь Юнь была полностью измотана.

К этому моменту она уже совершенно не хотела думать о внешних делах. Разбойники, Ся Хань, монахи древнего храма — всё это больше не имело к ней никакого отношения. Она чувствовала себя физически и морально истощённой, поэтому, едва переодевшись в сухую одежду, даже не успев высушить мокрые волосы, она упала на простую кровать в комнате и погрузилась в глубокий сон.

Спящая Линь Юнь не знала, что через полчаса Ся Хань снова пришла. Она переоделась, взяла зонт и принесла еду с лекарством от простуды. К сожалению, сколько бы она ни стучала в дверь, внутри никто не откликнулся.

Ся Хань ждала за дверью долгое время, но, не получив ответа, в конце концов вздохнула, поставила коробку с едой у двери и ушла.

Все разбойники, преследовавшие Линь Юнь, были пойманы, и ночной хаос на этом закончился.

На следующий день дождь прекратился, и небо прояснилось. Весь мир был омыт ночным ливнем, и в лучах яркого утреннего солнца всё вокруг казалось чистым и ясным.

Ся Хань, пережившая накануне страх и бегство, промокшая до нитки, легла спать только после полуночи и поэтому проснулась поздно. Вставая, она чувствовала головокружение, головную боль и общую слабость — приняв лекарство, она всё же заболела.

Цандун чувствовала себя виноватой, с прошлого вечера она не отходила от кровати Ся Хань, а утром, увидев, что хозяйке плохо, с ещё большим раскаянием сказала:

— Госпожа, это моя вина. Если бы я не ушла вчера вечером, вы бы не...

Ся Хань не стала слушать дальше, с досадой махнула рукой:

— С твоим телосложением, что бы ты могла сделать?

На самом деле, если бы Цандун не ушла вчера вечером, Линь Юнь не осталась бы, беспокоясь о ней. Тогда, когда разбойники ворвались в комнату, Ся Хань ничего бы не заметила и, возможно, потеряла бы жизнь во сне. По сравнению с испытанным вчера страхом, её жизнь была куда важнее, так что, возможно, она даже должна быть благодарна Цандун.

Конечно, Цандун не думала об этом. Услышав слова своей хозяйки, она почувствовала себя униженной. Девочка долго молчала, покраснела и наконец выдавила:

— В худшем случае я могла бы принять удар за вас!

Ся Хань усмехнулась, но в своём болезненном состоянии не стала спорить с Цандун, покачала головой и собралась встать.

Цандун, однако, с тревогой остановила её. Она коснулась руки Ся Хань и почувствовала, что та горячая, поэтому с ещё большим неодобрением сказала:

— Госпожа, вы больны, зачем вставать?

Ся Хань, собравшись с силами, с досадой ответила:

— Сегодня мы должны отправиться в путь, ещё один день, и мы доберёмся до области Синь. Я могу ехать в повозке, это не проблема. Кроме того, мы не можем оставить этих разбойников без внимания, нужно как можно скорее передать их властям.

Затем, увидев, что Цандун хочет что-то сказать, добавила:

— Цандун, в этом храме мало лекарств, и мне нужно поскорее добраться до города, чтобы получить лечение.

Последние слова убедили Цандун, и она перестала возражать, быстро помогая Ся Хань одеться и умыться.

После всех хлопот Ся Хань, одевшись и умывшись, почувствовала себя немного лучше. Она поддерживала слегка пульсирующую голову и спросила Цандун, которая только что вернулась с водой:

— Цандун, который сейчас час? Что-нибудь слышно в соседней комнате?

Цандун не сразу ответила, сначала осторожно взглянула на выражение лица Ся Хань:

— Госпожа, уже почти час змеи. Кажется, ваш супруг ещё не встал.

Затем, украдкой взглянув на Ся Хань, добавила:

— И коробка с едой, которую вы вчера вечером оставили, кажется, не тронута. Возможно, он не выпил лекарство.

Ся Хань была единственной дочерью в семье, и её баловали отец и братья. Хотя она не была избалованной, редко заботилась о посторонних, а тут ещё сама пошла под дождём принести лекарство, да ещё и получила отказ... Цандун думала, что её хозяйка рассердится.

Однако первой реакцией Ся Хань был не гнев. Услышав слова Цандун, она почувствовала тяжесть в сердце, и в голове возникло тревожное предчувствие. Она быстро встала и вышла, оставив Цандун в недоумении.

Выйдя за дверь, Ся Хань ослеплена ярким солнечным светом, и голова её закружилась. Она оперлась на дверной косяк, чтобы прийти в себя, а затем подняла глаза и увидела коробку с едой, которую сама оставила у двери накануне вечером — она была в том же положении, совершенно нетронутая. Похоже, Линь Юнь не выходила за лекарством!

Он промок под дождём, получил ранения, как он мог не принять лекарство?

Впервые Ся Хань проявила заботу о своём номинальном супруге. В этот момент она забыла, что сама больна, не вспомнила о необходимости отправиться в область Синь, и даже тот, кого она так упорно искала, временно вылетел у неё из головы.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, Ся Хань переступила порог и быстро направилась к соседней комнате. Она снова постучала в дверь Линь Юнь, на этот раз с ещё большим упорством, но снова не получила ответа. Однако на этот раз она не подумала, что Линь Юнь злится и игнорирует её. Напротив, чем дольше она стучала, тем больше тревога охватывала её сердце.

После долгого ожидания без результата Ся Хань наконец обернулась и строго приказала Цандун, которая следовала за ней:

— Позови двух охранников, заплати храму за ущерб и взломай эту дверь!

Цандун застыла в недоумении, но, увидев серьёзное выражение лица Ся Хань, не стала шутить и пошла выполнять приказ.

*****

Линь Юнь давно не болела, можно сказать, она даже забыла, каково это — болеть. В семье Линь из поколения в поколение занимались военным делом, и предки оставили потомкам не только мастерство боевых искусств, достаточное для того, чтобы выстоять на поле боя, но и рецепт лечебных ванн для укрепления тела. Линь Юнь хорошо укрепила своё тело, и с пяти лет, когда она начала принимать ванны, она больше никогда не болела, так что даже воспоминания о болезнях стали далёкими.

Головокружение, то жар, то холод, ломота во всём теле и невозможность проснуться от кошмара...

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16383/1482876>